

Фрагмент из романа

Peter Stamm
Nacht ist der Tag

S. Fischer Verlag, Frankfurt 2013
ISBN 978-3-10-075134-8

C. 41-54

Петер Штамм
Ночь светла

Перевод Святослава Городецкого

День без тебя объят ночью мглой,
А ночь светла: ты вновь во сне со мной.

Шекспир¹

Таксист помог Джиллиан перебраться в кресло-каталку и завез в подъезд, потом вернулся к машине, чтобы принести чемодан. Поставив его перед Джиллиан, он в нерешительности остановился.

– Идите-идите, – сказала она, – сейчас кто-нибудь спустится.

Ей пришлось положить чемодан на коляску, поскольку одной рукой она с управлением не справлялась. Джиллиан поднялась на лифте на верхний этаж. К счастью, в доме не оказалось порошков. Тишина в квартире шокировала ее.

– Ау! – крикнула Джиллиан, хотя знала, что никто не откликнется. – Ау!

Эту квартиру они купили три года назад. В просторных комнатах светлый паркет и доходящие до пола окна. В гостиной еще и балкон. Оттуда видно весь город и озеро. Гостиная наполовину просматривалась с улицы, но это Джиллиан несколько не беспокоило, совсем напротив. Ей нравилась прозрачность и, когда друзья говорили, будто она живет в витрине, в аквариуме, Джиллиан только смеялась.

Рядом жили в основном старики, они занавешивали большие окна и каждый вечер опускали жалюзи. Джиллиан их почти не знала. Здравовалась, встречаясь в подземном гараже или на лестнице.

Гостиная была прибрана, на столе стоял букет отцветших роз. Джиллиан купила их две недели назад и хотела подарить Дагмар, а потом забыла взять с собой. Мать наверняка оставила их из чувства пиетета. Вода в вазе помутнела и пахла, несколько листков упали на

¹ Пер. И. Фрадкина

скатерть. Джиллиан собрала их рукой, наощупь они напоминали бархат. Она немного подержала их в кулаке, потом выпустила на пол.

Вкатилась в зеркально чистую кухню. Мать всегда проявляла так свою заботу и любовь. Порой, наблюдая за матерью, Джиллиан сразу вспоминала, что та работала стюардессой. Всякий жест был отточен, даже улыбка казалась натянутой. В какой-то момент Джиллиан перестала ей доверять и встречала с тем же дружественным безразличием, что и отец.

Холодильник практически пустовал, остались только горчица, сушеные помидоры в оливковом масле и маринованные огурцы, несколько банок пива и бутылка шампанского, застывшая в вечном ожидании неожиданных гостей.

Джиллиан попыталась пересечь с каталки на унитаз. Не воспользовавшись стоявшими в гостиной костылями, она оперлась на раковину. Ноги ее подкосились, и она рухнула на пол, ударившись о подставки коляски, отъехавшей назад и с грохотом стукнувшейся о стену. Оставаясь в сидячем положении, она подползла к унитазу. Врач не хотел ей даже каталки давать, но она очень просила – хотя бы на первые дни. Брюки Джиллиан спустила еще на полу. Холодный кафель лишь усилил желание, она попыталась подтянуться. Чересчур поздно, Джиллиан почувствовала растекающееся лужей тепло. Начала стягивать брюки, но материя уже пропиталась и поменяла цвет. Ей стало дурно. Стащив с себя брюки и трусики, она вытерла ими лужу. Выдавила несколько сухих всхлипов, не похожих на плач.

Жизнь до автокатастрофы показалась ей умелой инсценировкой. Работа, телестудия, красивые платья, поездки по разным городам, хорошие рестораны, визиты к ее родителям и родителям Маттиаса. В этой жизни крылась какая-то ложь, раз ее было так легко разрушить. Достаточно было невнимания, необдуманного движения. Беда все равно пришла бы рано или поздно – внезапным происшествием или длительным изнашиванием отношений.

Джиллиан знала, что может вставать на ноги, врач даже всячески поощрял это. Она снова взобралась на каталку и

перекатилась в гостиную. На диване лежала начатая две недели назад книга, шведский детектив. Она отыскивала место, до которого дочитала, но не могла сосредоточиться и быстро отложила книгу в сторону. Полистала модный журнал. В доме напротив раскрылось окно, соседка вытряхивала покрывало. Джиллиан была с ней едва знакома. Она испугалась и откатилась назад, поскольку оставалась неодетой, но соседка, судя по всему, ее не заметила. Соседка еще немного постояла у окна, выглядывая на улицу. Наверно, ждала почтальона или детей, что вот-вот должны вернуться из школы.

Джиллиан выкатилась в коридор за чемоданом. Вернувшись в гостиную, она заблокировала колеса каталки и соскользнула на пол. Легла на толстый шерстяной ковер. Так ее с улицы не увидят. Джиллиан мерзла, хотя в квартире было тепло. Порылась в чемодане, отыскивая чистое белье и брюки, но нашла только грязные вещи. Стащила с дивана плед и укуталась в него. Ей хотелось обратно в больницу, где требовалось лишь переносить боль. Даже от нее Джиллиан избавляли болеутоляющими средствами, которые она сначала послушно принимала и которым потом воспротивилась. Ей стало казаться, будто боли необходимы для лечения, что не вытерпев их, она не сумеет исцелиться.

Джиллиан оперлась на локти и осмотрелась. Вокруг ничего не изменилось, но комната стала чужой. Она не понимала, кто купил эти книги, повесил эти картины. Литографию Энди Уорхола, Мэрилин, одно и то же лицо в десяти разных окрасах, бездушный рекламный плакат. Минималистская мебель, всякая мелочевка, старательно подобранная в дорогих бутиках, ничего не приводящие на память сувениры. Перевернувшись на спину, она увидела над собой итальянскую дизайнерскую люстру. Джиллиан протянула руки к люстре, которая, казалось, парит совсем близко, потом опустила их и несколько раз ударила кулаком по застывшей каталке.

Она подползла к телевизору, огромному плоскому экрану, и включила его, полистала каналы. Остановилась на передаче о

животных. Показывали погруженный в сумерки широкий пляж, по которому ползли тысячи первобытных существ. Казалось, у них нет ничего, кроме круглого панциря и длинного жала или хвоста. Время от времени волна перебрасывала одно из этих созданий на спину, и на экране появлялись барахтающиеся ножки. Опираясь на хвост, животное старалось снова перевернуться на брюхо. За таким увлекательным зрелищем можно наблюдать лишь несколько дней в году, торжественно объявил голос за кадром. Более пятисот миллионов лет мечехвосты обитают в прибрежном мелководье по всей планете. Они прекрасно приспособлены к окружающему миру и за все это время не претерпели никаких генетических изменений. Отчего их часто зовут живыми ископаемыми. Ранним летом мечехвосты собираются на побережьях родных морей и откладывают там яйца.

Джиллиан пробежалась взглядом по стопке DVD, стоящей на телевизионной тумбе, но ни один из фильмов ее не заинтересовал. Наконец, она вставила диск с записью своей передачи, который еще ни разу не просматривала. Ей не нравилось смотреть на себя на экране, она просматривала записи, лишь когда случались какие-нибудь накладки.

Джиллиан включила перемотку. Увидела значок передачи, краткое резюме тем, разорванные лица, молча раскрывающие рот и расплывающиеся в улыбке, картину, балерин. Потом стало видно студию, белое помещение с Джиллиан на заднем плане. Казалось, она парит на белом фоне. Камера быстро наплыла на нее. Джиллиан переключила на обычную скорость, а потом, когда камера подобралась совсем близко, поставила на паузу. Ее прежнее лицо, приветливо приоткрытый рот, широко раскрытые глаза. Джиллиан нажала на кнопку и запрыгала с кадра на кадр. Рот открывался и закрывался, но выражение глаз не менялось.

Перед эфирами она никогда не волновалась, и теперь удивлялась испуганному выражению лица. Ей казалось, что лицо уже предчувствует катастрофу. Неожиданный шум, блик, внезапное воспоминание изменили ее взгляд, и на сотую долю секунды возник

человек, которого никогда раньше не было и никогда больше не будет. Двадцать пять кадров в секунду, двадцать пять людей, у которых не было ничего общего, кроме паспортных данных, цвета волос и глаз, роста и веса. Лишь сочленение кадров позволяло сделать расфокусировку, образующую человека.

Нажав на «play», Джиллиан снова легла на спину. Слушала свой голос, многообещающий молодой художник, первая персональная выставка, возвращение образности. Джиллиан повернулась к экрану и увидела небольшой репортаж со своим комментарием. В профиль ее лицо выглядело моложе и свежее. Оно казалось чужим, наверно, поэтому отчетливо проступили отдельные черты: губы, ямочка на подбородке, нос, пара глаза. Ей вспомнилась Таня, всегда сопровождавшая нанесение грима каким-нибудь замечанием о ее внешности. О слишком широких бровях, о тонких губах или цвете лица. О ее проблемных зонах, как говорила Таня.

Женщина на экране замолчала, ее лицо на какой-то бесконечный миг приняло напряженное выражение. Потом начался репортаж. Камера плавала по выставочному залу, выхватывая портреты обнаженных женщин во весь рост – они мылись, одевались или раздевались, занимались домашним хозяйством. Обыденные позы представлялись почти классическими. Потом дали лицо Хуберта крупным планом, высветилось его имя: «Хуберт Амрайн», и в скобках – возраст, тридцать девять, такой же, как у нее. Хуберт рассказал о том, как работает: своих моделей он находит на улице, профи его не интересуют. Обычные женщины, подчеркнул он. Они раздеваются, я их фотографирую. Все происходит в едином порыве, на одном дыхании, никаких договоренностей, никаких повторных съемок. Поиск модели – существенная часть творческого процесса, заявил Хуберт. Из сотни женщин, с которыми он заговаривает, соглашается одна. Из десяти сфотографированных он пишет двух-трех, часто спустя несколько месяцев, когда уже давно позабудет имена. Пока он говорил, мелькнуло несколько фотовспышек. Вопросы журналиста вырезали, слышался только голос Хуберта, каждый раз с новой

интонацией. Ему трудно объяснить, как он выбирает моделей, иногда кажется, будто это они его выбирают. Главное – не красота, а интенсивность, сила и страстность, но и потерянность, страх, агрессивность. Похоже на то, как влюбляешься в женщину. Там тоже сразу не скажешь почему. Улыбка Хуберта казалась скромной и в то же время надменной. Наверное, это и помогает создавать качественные образы: желание и невозможность его осуществить.

«Что за напыщенный болван», – подумала Джиллиан. Камера переместилась на улицу, по пешеходной зоне шли прохожие, снятые с некоторого возвышения. Камера сфокусировалась на женщине и следила за ее поведением в толпе. Хорошо выглядящая молодая офисная сотрудница в скучном деловом костюме. Джиллиан попыталась представить ее обнаженной, но у нее ничего не вышло. Порой он фантазирует о том, как его модель случайно сталкивается со своим изображением. Гуляет по городу, останавливается у витрин галереи и видит себя голой в своей квартире – моющей посуду или пылесосащей. Думаю, она сначала узнает квартиру, а уже потом себя, сказал Хуберт. Фотографии возникают в сотые доли секунды. Они запечатлевают тайную жизнь наших тел, пока мы заняты чем-то другим.

В конце репортажа показали портрет довольно рыхлой женщины лет сорока, моющей ногу на краю ванны. Одной рукой она держала ногу, другой – намыливала ступню. Пальцы рук и ног переплелись весьма причудливым образом. Хотя поза казалась напряженной, погруженная в себя женщина явно думала о чем-то своем.

Снова переключились на студию. Джиллиан и Хуберт стояли друг напротив друга. Она задала ему несколько подготовленных редактором вопросов, написанных на маленьких карточках. Спросила, как он работает с моделями, дает ли указания. Ему нужны их собственные жесты, ответил Хуберт, и этого не так легко добиться. Я прошу модель принять душ, и она ставит ногу на край ванны. Сам бы я до такого ни за что не додумался. Это своего рода подарок. Джиллиан увидела свою улыбку и услышала свой вопрос: не трудно ли работать

с женщинами, лишенными опыта профессионалок? Слово «профессионалки» покорило ее. Она остановила запись. Выражение лица у нее было весьма брезгливое. Перемотала до очередного появления Хуберта на экране. Выражение его лица разгадать было трудно: смесь иронии и печали, а может и снисхождение. Джиллиан снова перешла на обычную скорость, и Хуберт, словно очнувшись после долгих размышлений, сказал: наоборот. Профессиональных моделей приучают загонять себя в рамки тела и носить наготу как платье. Удивительно, как некоторые женщины меняются за счет обнажения и его внешнего взгляда. Как проявляется их внутренняя суть. Это сугубо личный момент. Джиллиан казалось, будто он говорит эти фразы ей, а не телезрителям.

Или вообще не меняются, продолжил Хуберт. Обычно еще до проявления снимков, я уже знаю, пригодятся они мне или нет. Кто же тогда истинный художник: вы или модель? – услышала свой вопрос Джиллиан. Важен не художник, ответил Хуберт, а произведение искусства. А оно не зависит ни от модели, ни от художника.

Джиллиан отмотала запись к началу интервью и снова просмотрела его, кадр за кадром. Ей хотелось понять, что между ними произошло. Девяносто секунд, более двух тысяч кадров. «Тайная жизнь наших тел», – подумала она. Хуберт – болтун, но тем досаднее, что он высказывал ее мысли, что она могла перенять их от него. Джиллиан часто ловила себя на том, что выдавала чужие мысли за свои.

Диалог их лиц сильно отличался от только что услышанного диалога. С самого начала между ними установилось некое напряженное доверие, часто проскальзывала едва заметная улыбка, и по крайней мере, однажды Джиллиан прочла в своих глазах восхищение, девичий восторг. Первоначальная пресыщенность Хуберта постепенно уступила место выражению нежности, изрядно раздражавшему Джиллиан. На одном из кадров Джиллиан увидела себя с опущенными глазами, с подобием смущения. Потом она повернулась к другой камере и изобразила на лице придурковатое

выражение сильной радости и удивления, следующий репортаж. Джиллиан остановила запись и достала диск из устройства. На экране снова показались мечехвосты, теперь они возвращались к воде. Так они ежегодно откладывают яйца, мягким голосом прокомментировал ведущий, и будут откладывать еще долго после того, как человек снова исчезнет с лица земли.